

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ДАНИИЛ АКСЕНОВ

ПРОЕКТ
«СПРАВЕДЛИВОСТЬ»

РОМАН

Москва, 2012
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
А42

Серия основана в 1992 году
Выпуск 794

Художник
В. Федоров

Аксенов Д. П.
А42 Проект «Справедливость»: Фантастический роман.—
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 313 с.: ил. —
(Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1287-7

Люди часто мечтали о справедливости. Одни видели справедливость в посмертном духовном существовании, другие грезили о рае на земле, но никто не мог предугадать, как сбудутся их желания на самом деле.

Глеб, обычный курьер малоизвестной фирмы, сталкивается лицом к лицу с вековой мечтой человечества. В этой встрече мало приятного, но много полезного. Глеб становится другим человеком, меняется физически, приобретает силу, влияние, но вынужден заплатить за все слишком большую цену: обрести знания, с которыми непросто жить и совершенно невозможно умереть.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Аксенов Д. П., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ISBN 978-5-9922-1287-7

В этой книге автор утверждает: бессмертной души у людей сейчас нет. Она, вероятно, появится потом, даже у тех, кто давным-давно мертв. Бессмертная душа возникнет у человека с опозданием.

ГЛАВА 1

Эта история случилась, когда листья только начали желтеть и еще прочно держались за ветки, борясь с ветром. В тот день я прибыл на работу ровно в восемь, как положено курьеру. Мой мотоцикл остался на подземной стоянке, а прозрачный стеклянный лифт понес меня на двадцать седьмой этаж.

Фирма «Уральская проволока» казалась мне очень богатой еще со дня первого знакомства с ней. Это впечатление несколько не изменилось и до сих пор. Фирма щедро тратила деньги на своих сотрудников: даже арендовала места для личных машин курьеров, — но поначалу я толком не знал, откуда эти деньги берутся. Из названия следовало, что организация торгует проволокой, но даже наименования отделов главного офиса не имели к проволоке никакого отношения. Вот, например: «Отдел маркетинга», «Транспортный отдел», «Отдел логистики», «Отдел информационных технологий» и прочее в том же духе. Не было даже элементарного отдела продаж, не говоря уже о производственных секциях! В свой первый месяц здесь я осторожно спрашивал у коллег и даже у начальства, чем же занимается фирма. Мои вопросы разбивались о стену глубокомысленных улыбок. Мне советовали спокойно получать безобразно высокое для курьера жалование и больше ни о чем не думать. Не думать я не мог, но прошла пара месяцев, когда вдруг часть моих вопросов неожиданно обрела ответ.

В эту фирму меня устроил отец, которого я никогда не

видел. Однажды мне пришло официальное письмо-приглашение, где было указано имя рекомендателя: Савьенов Дмитрий Владимирович. Судя по фамилии-имени-отчеству, мой отец, вдруг вспомнивший об отпрыске, оставленном еще до рождения. Я сначала решил, что должность курьера очень скромна даже для моего четырехлетнего якобы высшего образования, но в письме было два примечания: первое касалось уровня зарплаты, а плюс к этому обещался служебный рост. Положив письмо в роскошную черную папку, которую напоследок подарила бывшая подруга накануне отъезда в Англию, я отправился в главный офис. Там ни о каком Савьенове Дмитрие Владимировиче слыхом не слыхивали, но письмо признали подлинным. Меня послали к начальнику отдела связи, и я сразу был зачислен в штат. С тех пор минуло полгода, весьма насыщенных событиями.

Итак, я поднялся на лифте и прошествовал к своему рабочему столу. Этот стол был черен, солиден и совсем не соответствовал моей скромной должности. На нем располагались компьютер и телефон (одновременно внутренний и внешний), тоже черные. Дабы немного оживить рабочее место, я повесил на стену небольшой плакат с пальмами и девушкой в бикини, идущей по песчаному берегу. Плакат располагался не очень удачно: получалось, что девушка заходит куда-то за монитор и дальше ей предстоит брести в полной темноте в сторону моего соседа, известного бабника.

Не успел я усесться в кресло и ввести пароль, как раздался телефонный звонок. «024» — высветилось на табло. Номер моего шефа. Подняв трубку, я услышал знакомый хрипловатый голос:

— Глеб, зайдите ко мне. Это срочно.

Срочно так срочно. Я прошел по консервативному серому офисному коридору, миновал улыбчивую секретаршу Светочку, брюнетку с бледным лицом и накрашенными алой помадой губами, и, постучав, вошел в кабинет.

Шеф сидел за столом, отбивая синей ручкой нетерпеливый марш. За его лысой головой висели стеклянные

полки, сразу привлекающие внимание блеском стоящих на них вещей: мотков с платиновой, золотой и серебряной тонкой проволокой. На первый взгляд это служило доказательством того, что фирма все-таки что-то производит. Однако если перевернуть катушку тыльной стороной и посмотреть на надпись, то выяснится: проволока сделана в далекой Калифорнии и к нашей фирме не имеет никакого отношения.

— Поедете в район Арбата, — вместо приветствия сообщил мне шеф, живо шевеля толстыми губами. — Вот адрес. Там живет старик, в прошлом оценщик Третьяковской галереи и консультант еще нескольких музеев. Возьмете у него посылку, он в курсе. Да, и проследите, чтобы он из-за маляра не подсунил что-то другое. В посылке должна быть глиняная миска. Поняли?

Раньше мне никогда не сообщали о содержимом посылки, но месяц назад возник скандал: один из моих коллег доставил по назначению совсем не то, что ожидалось. Уж не знаю, в каких выражениях более высокое начальство призвало к порядку мою контору, но с тех пор меня стали вводить в курс дела. Выяснилось, что я перевожу удивительные вещи, среди которых глиняная миска смотрится очень органично.

— Понял, Виталий Григорьевич. А куда доставить? Сюда?

Шеф едва заметно покачал большой головой:

— Нет. Туда. И без задержек. Справитесь? Медальон с собой?

Я едва сдержал вздох. «Туда» мне уже дважды приходилось доставлять вещи. Но я действовал без спешки, к тому же меня сопровождали.

— Медальон с собой, Виталий Григорьевич. Будет сделано. — Не хотелось признаваться, что я волнуюсь.

— Езжайте. Доставите посылку и можете считать, что норматив на сегодня выполнен. Думаю, вам захочется прогуляться по городу.

Доброта шефа показная, он явно действует с умыслом. Завтра наверняка спросит, где я был и что видел. Пола-

гаю, ему нужно, чтобы я привык к городу, а это лучше всего сделать, гуляя там в одиночестве. Город — забавное место, кажущееся на первый взгляд спокойным. Но только на первый. Я еще не разобрался во всех тамошних хитросплетениях, ведь увидел лишь поверхностную часть. Что ж, придется сегодня копнуть поглубже.

Выйдя от шефа, мысленно прикинул маршрут. Старичку повезло жить на Композиторской улице. Роскошное старинное место, только, к сожалению, уже застроенное новыми домами.

Я спустился в гараж, встречая по пути знакомых из других фирм. Будучи общительным человеком, я за полгода успел со многими перемолвиться хотя бы словечком.

Мне показалось, что за углом мелькнул красный плащ. Захотелось бежать туда, чтобы проверить, так ли оно, и лишний раз поздороваться. Этот красный плащ мог принадлежать Иванне. Девушка со столь необычным именем работала в соседнем офисе. Ах, Иванна, ну как бы нам встретиться? Мне есть что тебе сказать. Все слова уже давно и по нескольку раз продуманы, жаль только, что до сих пор не высказаны.

Мой зеленый «кавасаки» — хороший, рычащий друг. Он немного сердится, когда я газую, обгоняя поток, или на полной скорости забираюсь в гору, но службу несет исправно. Мне удалось обойти несколько отечественных авто и новехонькую спортивную «ауди». Очень бы хотелось такую машину, но, к сожалению, из-за моей патологической честности вряд ли удастся ее приобрести в ближайшем будущем. Сейчас нужно или родиться богатым, или изворачиваться, как змея, чтобы разбогатеть. Роль рептилии мне не идет.

Вскоре я прибыл на место и нажал кнопку звонка. Худой низенький старичок впустил меня в квартиру. Старичок выглядел совсем ветхим, его волосы были седыми и даже местами желтоватыми. Он говорил тихо, чинно и очень вежливо.

— Здравствуйте, вы за посылкой? Могу я узнать ваше имя?.. Очень приятно. У меня раньше был приятель по

имени Глеб Дмитриевич. Полярник. Он замерз во льдах в семьдесят шестом. Подождите минутку. Не хотите ли чаю?

Я старался отвечать столь же вежливо, одновременно оглядывая зал. Там над современным телевизором висел портрет молодого черноволосого морского офицера с кучей орденов и кортиком. Я с трудом узнал в офицере моего старичка. Вот это да! Дедок-то был весьма боевой, с погонами капитана третьего ранга. Интересно, чем же он командовал во время Великой Отечественной?

— Был командиром подводной лодки. — Старичок появился из-за спины и по выражению моего лица угадал вопрос. — Глеб Дмитриевич, вот пакет.

Хозяин квартиры держал небольшую картонную коробку. Мне не хотелось огорчать тенью подозрения в ма-разме такого радушного и заслуженного дедка, но шеф твердо сказал, что нужно убедиться в содержимом посылки.

— Могу я посмотреть, что внутри? Чтобы не было накладок.

Старичок безмолвно положил коробку на стол, распаковал ее, вытащил мятые газеты, а потом — сам предмет. В его руках дрожала посеревшая от времени неровная глиняная посуда. Нет никаких сомнений в том, что это — миска. Интересно, сколько ей лет?

— Спасибо, — кивнул я.

Оценщик снова завернул посудину в газету и уложил в ящик. Мы пошли к выходу. Хозяин дома провожал меня степенно и с достоинством.

Дверь открылась. Я уже был готов выйти за порог, как вдруг заметил, что на лестничной клетке стоят двое. И ладно бы просто стояли, но они смотрели прямо на нас. В руке одного из них нехорошо блестел пистолет.

— Не закрывайте, — сказал безоружный, крепкий и низкий, с цепким взглядом. — Нам надо...

Старичок не послушал их, а рывком захлопнул дверь. Раздались выстрел и щелчок замка. Я обернулся к хозяину квартиры. Увы, его лицо было бледно и неподвижно.

Он сполз вниз по стене, на голубой рубашке расплывалось красное пятно.

Вот это поворот. В первую секунду я растерялся. Что делать? Звонить за помощью? Попытаться спасти старичка? Мои хаотичные мысли прервались криком из-за двери:

— Открывайте! Мы сейчас ее выломаем! Глеб, отдай чашу!

Они знают мое имя? Но я ведь их вижу в первый раз!

Тут же раздался удар. Стены затрещали, с притолоки посыпалась белая пыль. Одного взгляда достаточно, чтобы понять, что долго дверь не выдержит.

Я схватился за сотовый и нажал кнопку автовызова шефа. Пока телефон набирал номер, я осмотрелся. На этот раз искал не достопримечательности, а обыкновенные двери. Они мне понадобятся, чтобы проникнуть в город. Нашел три, которые ведут из коридора в спальню, кухню и, наверное, в ванную. Кому-то может стать интересно, почему я звонил шефу, а не в полицию, но если бы вы видели нашу службу безопасности, то не стали бы задавать такой вопрос.

— Глеб, открой! Мы сохраним тебе жизнь и даже заплатим! — снова раздался крик. — Десять кусков зелеными за чашу!

Непонятно, откуда им известно мое имя, но насчет главного они не в курсе: меня невозможно подкупить. Это — мое достоинство и моя беда. Мама рассказывала, что я такой с раннего детства. Честен, как хрустальная слеза, и ничего не могу с этим поделать. Мне можно доверить миллион долларов наличными без расписки, потом прийти за ним через год — и я верну каждый цент.

Прогрохотал еще один удар. Дверь подпрыгнула, но в этот момент я услышал в трубке голос шефа:

— Алло. Глеб? Это ты?

— Старик убит, я прячусь в его квартире, миска со мной. — Мой доклад был краток. — Убийцы ломаются и скоро будут здесь. Что делать?

— Бежать можешь? — Голос шефа даже не дрогнул.

— Только туда.

— Ну так беги!

Даже если бы шеф это не приказал, я бы все равно так и поступил. Я в два шага оказался рядом с дверью, ведущей в спальню. Мокрыми от пота пальцами нащупал медальон и нажал на холодный металл. Теперь — дверь. Я потянул на себя ручку, дверь распахнулась... увы, за ней действительно была спальня.

Звуки за моей спиной нарастали, треск усилился. Деревяшка с замком вот-вот падет, открыв меня пулям. Остались две двери.

Я бросился к той, которая ведет на кухню. Рывок ручки... и разочарование. Мое волнение и беспокойство за собственную жизнь многократно умножились. Дверь на кухню открыла мне кухню.

Человек, не осведомленный о Лиме, обязательно бы сказал: «Ну что городит этот чудик? Почему дверь на кухню разочаровывает его? Он на самом деле ожидает, что она приведет его в какое-то другое место?.. У него вообще все дома?»

На этот резонный вообще-то вопрос отвечу так. Дома у меня никого нет, живу один. С тех пор, как получил работу курьера, ушел из маминой квартиры и снимаю жилье. Что касается двери, то да, ожидаю. Даже всем сердцем надеюсь, что она приведет меня в другое место. Все дело тут в медальоне. Он должен в этом помочь, но, к сожалению, мой ранг среди сотрудников фирмы невысок и медальон первого уровня не может дать стопроцентной гарантии. Примерно один случай из четырех — вот мой предел. Нужно открыть в среднем четыре двери, чтобы наконец попасть туда, куда собираюсь. Мой худший результат — девять дверей, а лучший — две. Но вернемся в квартиру с застреленным старичком и убийцами, рвущимися по мою душу.

После очередного удара я услышал резкий, пронзительный треск. Этот треск говорил о том, что еще один такой рывок — и между мной и стрелком останется лишь

стена пыли. А стена пыли — это такая преграда, через которую очень легко проходят пули.

Я быстро оглянулся назад: замок едва держался. Взгляд невольно упал на старичка: он сидел, привалившись к стене. Если не обращать внимания на красное пятно, то может показаться, что хозяин квартиры отдыхает. Будь у меня больше времени, я поразмышлял бы о том, сколько раз этот старичок сидел вот так, опираясь на стену каюты или поручень, прислушиваясь к залпам орудий, шуму волн или просто мечтая о мирной жизни. Его мирная жизнь сложилась, пожалуй. Он стал известным специалистом по предметам искусства. Жил в тишине и покойное много лет, но умер, подражая собственной молодости, солдатом.

Рука легла на ручку двери, ведущую в ванную. Дверь была белая, немного поцарапанная, на ней висела коричневая металлическая гравюра с изображением писающего мальчика. Такие, наверное, раньше были в моде. Очень давно.

Сзади раздался резко оборвавшийся треск. Все, входной двери пришел конец. Я вцепился в рукоятку и потащил ее к себе. Сразу же увидел что-то темно-красное. Неужели плитка в ванной? Тогда конец и мне. Эту дверь можно попробовать закрыть и еще раз открыть, но это резко снижает шансы: если нужно быстро попасть в город, то следует искать еще одну дверь. Но где ее возьмешь? Я уже перепробовал три, все, что были.

Мне показалось, дверь открывается слишком медленно. Чувства обострились. Помню, как однажды упал со второго этажа: тот полет тоже был для меня как вечность.

Дверь распахнулась, и я сделал шаг, затаив дыхание. Нет, это не ванная. Получилось! За моей спиной все еще слышался шум, но я даже не обернулся. Здесь безопасно. Никто не посмеет оскорбить Цензора.

Я привалился спиной к стене. Стена была теплая и даже казалась слегка мягкой, хотя вроде бы сложена из кирпичей. По лицу потек пот. Надо же, открыл всего три двери, а так устал.

Не нужно оглядываться, чтобы узнать, где я нахожусь. Помещение давно знакомо. Представьте себе сложенную из красного кирпича квадратную комнату примерно пять на пять метров. У нее нет ни окон, ни дверей, пол и потолок тоже кирпичные. Казалось бы, переверни эту комнату, поставь на ребро или вверх тормашками — и ничего не изменится. Однако на стенах горят длинные белые свечи в темных подсвечниках, будто указывая на правильное расположение. Дескать, стены — вот они. Откуда берется воздух или кислород для огня, я не знаю: в комнате нет никаких видимых щелей. Зато посередине пола стоит деревянный стул с черной, высокой и наверняка очень неудобной спинкой. На стуле сидит человек. Это Цензор.

Здесь следует сделать небольшое отступление. Я буду использовать знакомые и простые слова, чтобы не усложнять рассказ. Например, когда говорю, что Цензор — человек, подразумеваю лишь, что он похож на человека. Толстый и короткий, с мясистым носом-картошкой, на макушке — пролысина. Одет в нечто вроде белой древнеримской тоги с золотой каймой. Цензор сидит и смотрит очень серьезно, будто готовится выступить перед Сенатом. Однако я очень сомневаюсь, что он — человек. Дело не только в том, что Цензор умудряется жить в комнате без входа и выхода, но также и в том, что его невозможно увидеть со спины. Если идти вокруг стула, то всегда будет казаться, что Цензор обращен к тебе лицом. Это не зависит от того, сколько людей в комнате: он будет обращен лицом к каждому.

— Рад снова видеть тебя, Глеб, — тихим голосом произнес свою обычную фразу Цензор.

— А уж как я рад! — откликнулся я вполне искренне. — Меня же чуть не подстрелили. Было всего три двери, а я умудрился правильно открыть лишь последнюю. Несколько секунд задержки — и все. А старика, хозяина квартиры, убили. Вот мерзавцы! Он наверняка столько раз стоял лицом к лицу с настоящими врагами, победил в войне, а его застрелил какой-то уголовник.

— Очень жаль, Глеб. — Цензор не повысил голоса и смотрел на меня, не моргая. — Кто в вас стрелял?

— Не знаю. — Я с досадой махнул рукой. — Я успел сообщить своим. Пусть сами разбираются.

Цензор не ответил. Он дышал равномерно, и было видно, как тога на груди слегка приподнимается в такт дыханию. Я все-таки ждал реплики, но Цензор молчал. Его редкие темно-коричневые волосы казались чистыми, хотя кто знает, сколько он тут сидит.

Я уже собрался нарушить паузу и вновь начать разговор, как вдруг меня осенила догадка, и губы плотно сжались. Фраза Цензора «кто в вас стрелял?» была не просто фразой, а вопросом Места. Дело в том, что из этой кирпичной комнаты можно выйти двумя способами: либо оказаться в произвольном месте города, либо самому выбрать точку прибытия. Когда Цензор задает вопрос Места и ты отвечаешь правильно, то имеешь право попасть в любое место в городе, куда пожелаешь. Не угадал, не ответил — извини, окажешься в какой-нибудь дыре, из которой будешь долго выбираться, блуждая по незнакомым улицам.

— В меня стрелял высокий мужчина, блондин, лет тридцати. — Теперь я подбирал слова тщательно. — Он был одет в темно-синий пиджак и брюки. Больше о нем ничего не знаю.

— Неправильно, — покачал головой Цензор. — Идите, Глеб. До встречи.

Решение принято, и оно необратимо, я это знал. Не нужно больше ничего делать, надо только ждать. Кирпичные стены изменили цвет, посветлели, будто кто-то направил на них мощный прожектор. Но это, конечно, не прожектор, просто солнце над городом начало проникать сквозь истончающиеся стены. Один мой коллега, бывший технарь, в прошлый раз сказал, что стены не могут исчезать, растворяясь, словно кусок сахара в чае. Он прав, конечно, но в городе иные законы.

Вскоре от кирпичной комнаты и Цензора не осталось и следа. Я стоял на какой-то улице: с одной стороны —

желтоватое трехэтажное здание с красивыми барельефами, изображающими то ли сатиров, то ли кентавров, а с другой — облицованный мрамором шестиэтажный дом с огромными черными дверьми и массивным парадным крыльцом. Солнце светило вовсю, и дома напоминали Петербург девятнадцатого века в ясную погоду. Я никогда не видел такой Петербург, но представляю его именно так: величественные здания, многочисленные скульптуры, гулкие мостовые, прихотливо изгибающиеся перила мостов, кареты, степенные прохожие, одетые в сюртуки... в этом городе все то же самое. Он красив и солиден, однако его название — Лим.

Думаю, пришло время рассказать все, что знаю на этот момент о городе и его обитателях. Но для этого нужно мысленно перенестись на три месяца назад. Тогда меня впервые представили Цензору.

В один прекрасный день шеф вызвал новоиспеченного курьера и хладнокровно сообщил, что испытательный срок подходит к концу. Если я хочу продолжать работать на фирму и получить прибавку к окладу, то должен буду дать подписку о неразглашении коммерческих секретов, к которым меня допустят. Признаться, я не колебался ни секунды. Место мне очень нравилось, работой не перегружали, платили более чем щедро и обещали платить еще больше в обмен на подпись. Кто бы отказался? Я все подписал. И дальше началось самое интересное. Шеф подошел к двери, открыл ее, но вместо того, чтобы выйти со мной из кабинета, пригласил меня войти в непонятно откуда взявшуюся комнату из красного кирпича, где сидел господин в древнеримской тоге, одаривший меня маленьким серебристым медальоном.

Сразу выяснилась занятная деталь. Моя подпись оказалась ненужной: любой человек, пройдя через Цензора, изменялся — утрачивал способность обсуждать некоторые темы. О них можно было сколько угодно думать, но писать, говорить или показывать знаками — нет. Город блюл свою тайну, и это было покруче подписки о неразглашении.

Любопытство одолевало меня, но, увы, свободно спрашивать окружающих я уже не мог, оставалось довольствоваться тем, что вижу. Мне сказали, что потом ограничение на разговоры притупится, я смогу говорить почти обо всем с теми, кто посвящен в тайну Лима.

Город казался очень большим и был окружен стеной. В нем обитали люди, местные жители, всеми делами заправляла ратуша. А самое главное — многие вещи работали тут не так, как в моем мире. Здесь нет двигателей, электроники и огнестрельного оружия, но зато есть то, что некоторые назвали бы магией. Эту «магию» я попытаюсь описать как можно более подробно, настолько, насколько сам понимаю.

Представьте, что пространство пронизано некоей энергией. Ее не все видят, но те, кто видит, способны брать и превращать энергию в известные формы, пропуская через свой внутренний резервуар. Если маг хочет получить, к примеру, огненную стрелу, то должен взять часть энергии из своего резервуара и наложить ее на форму, причем хорошо изученную и отработанную. Мне уверенно сказали, что существует семьдесят два раздела магии, каждый из которых включает десятки форм. Чаще всего используется около дюжины разделов, но любой ценящий свою жизнь маг будет стараться узнать как можно больше форм, чтобы научиться защищаться от них. К сожалению или к счастью, не все разделы доступны, некоторые из них считаются потерянными. Но интересно и то, что, например, фехтование тоже опирается на несколько разделов магии. Любой опытный фехтовальщик здесь — маг, и его удары отнюдь не просты.

Мне хотелось знать, что это за город такой и для чего он нужен. Как он связан с моим миром и кто такой Цензор? Отчего, к примеру, в магии именно семьдесят два раздела, а не семьдесят три или девяносто пять? У меня была масса вопросов, но я поначалу собирал информацию по скудным крохам.

К тому времени мне удалось выяснить, что фирмой «Уральская проволока» управляют обитатели этого горо-

да. Они никогда не появляются в моем мире, а предпочитают действовать через подставных лиц. Люди ли они? Не знаю, но местные жители, те, кого я вижу на улицах и в закуточных, — самые настоящие люди. Зато я был уверен, что наша фирма и соседние в том же здании — не единственные в своем роде. Земляне на улицах Лима попадались часто, и я сразу узнавал их. По одежде, спросите вы? По походке и поведению? Нет, но об этом чуть позже.

Итак, покинув Цензора, я оказался на узкой улице между двумя большими домами. Нужно было найти дорогу к представительству фирмы, которое располагалось в третьем доме маркиза Ори.

Солнце стояло в зените. Было жарко и душно. Поблизости не было ни одного прохожего. Я дошел до угла, узнав, что узкая улица называется «пер. Щеголей», а перпендикулярная ей, та, которая чуть пошире, — «ул. Дубки». В городе повсюду были развешены сверкающие медные таблички, наводящие на мысль о том, что их кто-то регулярно начищает.

Я хотел найти закуточную или любое другое публичное место, чтобы узнать дорогу, но рядом не было ничего подходящего. Озираясь, вдруг увидел, что вдалеке в какое-то здание вошли двое, а следом — еще трое. Вероятно, там пивная или ресторан.

Плитка на тротуаре была гладкой — еще одно указание на фешенебельность района, в котором я очутился. Но легкое смущение охватило меня, когда я достиг серого массивного здания, куда входили люди. Над дверью висела черная табличка с белыми строгими буквами: «Воздушные просьбы графа Мара».

Кто-то может подумать, что это — молельный дом, но в городе, насколько мне известно, нет ни жрецов, ни какой-либо религии. Просто так называется одна из школ магии.

Немного помедлив, я задумался, стоит ли сюда входить. Но в итоге решил: нет ничего плохого в том, чтобы узнать дорогу, — и шагнул внутрь, бережно придерживая коробку с миской. Полутемный холл встретил меня про-

хладой и блеском картин, нарисованных на стеклянных основах. Картины представляли собой запутанные разноцветные схемы и обозначали, скорее всего, формы, обращению с которыми обучают в этой школе. Неподалеку от входной двери стоял стол. За ним восседал человек с белым гусиным пером за ухом. Рядом стояли пятеро разодетых молодых парней. Секретарь и студенты — догадаться было нетрудно.

Я решительно направился к столу. Студенты не сводили с меня заинтересованных взглядов. Секретарь же посмотрел на свои бумаги и открыл блестящий железный футляр, чуть не смахнув рукавом темно-синего сюртука чернильницу на пол.

— Вы на проверку? — Голос секретаря, брюнета средних лет, был деловит. — Запись на сегодня уже закончена. Если угодно, можете попробовать в следующем месяце... сейчас, сейчас... где же списки? А, вот... Как вы знаете, у нас не бесплатная проверка. За внесение в список с вас один ливр и еще девять заплатите сразу перед...

— Я просто... — Мне хотелось сразу перейти к делу и спросить дорогу, но секретарь не позволил себя перебить.

— Подождите, а вы вообще откуда? — живо поинтересовался он. — Вас до этого хоть где-то проверяли? Хотя бы предварительно?

— Но...

— Не волнуйтесь, я сейчас посмотрю. Это бесплатно, — поспешил успокоить меня секретарь, неверно истолковав мои намерения. — Может, сэкономите луидор. Судя по наряду, вы не очень-то богаты.

В этом торопливый собеседник прав. Одежда на мне была так себе. Во время перехода синие джинсы превратились в черные суконные штаны, зеленоватая рубашка стала белой, и поверх нее появился плотный коричневый жилет. Я стал похож на младшего клерка или помощника приказчика. Когда прощаешься с Цензором, твоя одежда изменяется. Впрочем, не только одежда, но и отдельные вещи, которые берешь с собой, включая деньги.

Секретарь, не переставая говорить что-то о пользе

экономии, извлек из футляра небольшое плоское розовое стеклышко и поднес его к правому глазу. Мужчина умолк лишь на пару секунд, изучая меня через это стекло, а потом принялся болтать с еще большим задором.

— Так я и думал! Пусто! Удивительно пусто! Неужели вы раньше ни к кому не обращались? Или считаете, что вы — исключение? Нет, если хотите напрасно потратить целый луидор, тогда конечно. Кто вам станет мешать? Но мой долг предупредить: если пусто изначально, то ничего и не появится! Я уже столько видел таких, как вы. Все надеется на что-то, надеется... эх! Ну что, будем записываться? Пятое число вас устроит? Или попробуете двадцать пятое?

Он наконец замолчал, явно ожидая моего ответа.

— Спасибо, но мне этого не надо, — обрадовался я возможности вставить словечко. — Я вообще не за этим и знаю, что пуст. Просто хотел спросить дорогу к третьему дому маркиза Ори. Этот район города мне незнаком, я заблудился.

Секретарь разом погрузился, зато среди студентов наметилось оживление. Один из них слегка повернулся, и я увидел небольшую косую синюю полосу на левой щеке, будто сделанную неряшливым татуировщиком.

«Землянин», — сразу мелькнула мысль. Вот я и встретил счастливицу с магическими способностями.

Распознать землянина в Лиме довольно просто. Когда я говорил о том, что при переходе изменяется не только одежда, но и другие вещи, то подразумевал также главную «вещь», которая у человека всегда с собой. Это его тело. Чаще всего изменения очень малы: на коже лица появляются какие-то линии, которые исчезают после возвращения землянина домой. У каждого человека изменения всегда одни и те же. Однако мне рассказывали о более серьезных переменах. Эти рассказы немного пугали, но я отнесся к ним как к страшным сказкам, потому что никто из моих собеседников лично ничего подобного не видел.

Итак, один из студентов был землянином, а тусклый значок в форме петли на его сюртуке явно указывал на

принадлежность к когорте учеников. Последнее было тем более удивительно, что магические способности у моих соотечественников встречались нечасто. Например, у меня их не было вовсе.

— Все дома маркиза Ори далеко от нас, — произнес секретарь, кладя стекляшку обратно в футляр. — Вам придется взять кеб. Выйдите на улицу Полесья, она в паре кварталов отсюда. Там кебы часто ездят.

— В какую сторону двигаться? — уточнил я.

Один из студентов, здоровый розовощекий детина, хмыкнул. На его лацкане красовался блестящий значок старшего ученика.

— Ты из предместий, да? — спросил он. — Вообще ничего не знаешь? Деревенщина?

В тоне сквозило пренебрежение — городские жители не уважали выходцев из сельской местности.

— Такой же деревенщина, как и ты, — ответил я. Не люблю хамства.

— Городской? — протянул детина. — А что ж ничего тут не знаешь? И что ж магов не уважаешь?

— Магов уважаю, недоучек — нет.

Ну кто меня тянул за язык? Я мог бы спокойно выйти со своей коробкой и уж кеб бы как-нибудь нашел.

— Успокойтесь! — не очень-то уверенно приказал секретарь.

Однако детина вроде бы послушался. Он глубокомысленно возвел очи к потолку.

Я же, поняв, что ответа насчет направления мне не дожидаться, пошел к двери.

— Так вы не из предместий? — спросил секретарь. Он, похоже, недоумевал, как это городской житель может не ориентироваться в городе.

— Землянин, — ответил я.

— Землянин? — удивился секретарь. Даже шею вытянул, чтобы разглядеть меня более тщательно. — А метки нет!

— Метки нет, — согласился я.

По какой-то неизвестной причине я был, возможно,

единственным исключением из правил: мое тело совершенно не менялось при переходе.

В этот самый момент детина наконец опустил глаза, перестав разглядывать потолок. Он посмотрел на меня, и его губы раздвинулись в злобной усмешке.

Неладное я заподозрил сразу, но отреагировать не успел. Плотный поток воздуха ударил меня в бок, возникнув будто из ниоткуда. Я покачнулся и едва сдержал кашель: этот воздух был неимоверно вонюч, словно вобрал в себя аромат всей городской канализации. Коробка выскочила из моих ослабевших рук и отлетела к двери.

Детина и другие студенты разом захохотали. Молчал только землянин. Он неодобрительно посматривал на свою компанию.

— Это магия, детка! — сообщил мне маг-недоучка, борясь с приступом смеха. — Тебе такое никогда не освоить! Один удар — и ты раскис!

Я повернул голову, стараясь не дышать, хотя запах подозрительно быстро выветривался. Коробка слегка помялась. В этот момент я внезапно подумал о том, что из-за ее содержимого убили старичка. Хороший был дедок! И мне не понравилось, что такую ценную коробку вырывает из моих рук и бросает на пол какой-то недоросль. Я приблизился к смеющемуся недругу. Он не перестал ржать, даже когда между нами оставалось менее метра. Мой кулак пошел легко от груди, целясь в подбородок. Раздался хрустящий звук, и детина опрокинулся навзничь. Он упал и лежал, раскинув руки, бессмысленно хлопая глазами. Смех моментально стих.

— Это бокс, детка, — сказал я. — Один удар — и ты раскис.

Дальнейшее помню смутно. Кто-то прыгнул мне на спину, другой вцепился в мои руки. Землянин кричал и ругался, призывая оставить меня в покое. Секретарь куда-то убежал. Я попытался стряхнуть нападавших, но не смог. Меня ударили чем-то по голове, потом еще раз... в глазах и мыслях помутилось. Последнее, что я запомнил,

перед тем как провалиться в темноту, — это пол, выложенный серым с черными прожилками мрамором.

Что происходило между моим падением и болезненным пробуждением, я, понятное дело, не знал. Но пришел в себя на кушетке, которую принесли в этот самый холл. Глаза едва открывались, но уши слышали нормально.

— Идиоты! — громыхал чей-то голос. — Вы же видели: землянин с коробкой, ни хрена не знает, ищет дом маркиза Ори. Это курьер маркиза Ори, бараны! Остолопы, вы напали на чужого курьера! В этих стенах! Что скажет граф, когда ему доложат?! А ему доложат!

Мои руки зашевелились. Я внезапно обнаружил, что они не вытянуты вдоль тела, как бывает у раненых, а сложены на груди. Но на моей груди покоилась еще какая-то тяжесть. Онемевшие пальцы задвигались, нащупывая шероховатую поверхность. Коробка! Кто-то положил мне коробку на грудь и сверху поместил мои же руки, дескать, вот тебе твоя вещь, мы ее даже трогать не хотим, нам чужого не надо. Похоже, я неожиданно стал важной персоной. Курьер маркиза Ори, надо же!

ГЛАВА 2

Окончательно я пришел в себя уже в карете. Меня, крепко сжимающего коробку, посадили на заднее сиденье. Рядом сел маг-землянин с синей меткой на щеке. Его отрядили в сопровождающие.

— Гони к третьему дому маркиза Ори, — услышал я напутствие кучеру. Невидимый мне мужчина говорил властным голосом. — Не останавливайся и не задерживайся! Вместе с курьером передашь вот это письмо. Если будут спрашивать, то скажешь, что сам ничего не знаешь, пусть свяжутся прямо со мной. И добавишь, что люди графа Мара выражают почтение людям маркиза Ори и надеются, что нашу дружбу ничто не сможет поколебать. Езжай!

Карета сразу же тронулась. У меня слегка зарябило в глазах, когда розовый узор на внутренней атласной обшивке вдруг затрясся.

— Нам дали личную карету мастера-наставника, — сказал землянин, хватаясь за нависающий над головой кожаный поручень. — Ты как? Пришел в себя хоть немного? А то после удара статуэткой по голове...

— Мне лучше. Я помню, ты пытался их остановить. — Я заговорил гладко, не запинаясь, язык вполне повиновался мне. — Спасибо.

— Слава яйцам! — вдохновенно воскликнул землянин, встряхнув длинными рыжеватыми волосами. — А то я уж думал, тебе кранты! Но броситься с кулаками на Журпа — это что-то! Как ты его уделал! Я знал, что он когда-нибудь нарвется со своими шуточками. У меня у самого руки давно чесались, но мы с ним в разных весовых, так сказать...

— Ты давно тут? — спросил я, прикрывая глаза, чтобы унять рябь.

— Да года полтора, — бодро ответил тот. — У брата нашли магические способности, а он похлопотал за меня. У него они, конечно, лучше, но меня тоже взяли. Граф Мар — неплохой чувак. Я, ясен пень, с ним не говорил, так, видел пару раз, но его мастера — нормалек. Дело иметь можно. Не цепляются без причин. А ты-то как? Давно в курьерах? Меня, кстати, Виталий зовут.

На вид моему собеседнику было около двадцати. Мне стало интересно, откуда он. Его манера изъясняться была похожа на речь подростка. Мы использовали подобные словечки, только, пожалуй, у Виталия они были слегка устаревшие.

— Глеб, — представился я. — А ты вообще откуда?

— Из Жданова, — ответил он. — А ты?

— Москва. — Я придирчиво осматривал коробку, но ее, похоже, не открывали. Как и многие предметы, коробка изменилась при переходе. Картон сохранился, но стал более плотным. Клейкая лента превратилась в поло-

ски желтой бумаги, приклеенные намертво. — Этот твой Жданов где? Дома часто бываешь?

— На Украине, — ответил Виталий, поглядывая в окно через красные шторы. — А дома не был ни разу. Не пускают, пока не научат. Я ведь ни с кем из наших не общаюсь, даже не вижу никого. Поспал, пожрал — и на занятия. Потом пожрал — и снова спать. Это меня к тебе приставили, как земляка, чтобы ты не сильно переживал. — Виталий хохотнул, толкнув меня в плечо. — Ты им дорог, брателло! Хотели даже лекаря вызвать, но передумали. Сказали, что тогда ваши люди решат, что курьера обработали. Но рад, что тебе лучше, рад!

Его искренность не вызвала сомнений, но я не мог припомнить Жданов, хотя гордился знанием местной географии. Моя бывшая подруга обожала путешествовать и таскала меня за собой везде, включая ближнее зарубежье.

Я хотел еще спросить про Жданов, но карета внезапно остановилась.

— Приехали, что ли? — неуверенно спросил Виталий. — Что-то быстро.

Мне тоже показалось, что быстро. Я уже взялся за деревянную ручку каретной дверцы, как услышал крик нашего кучера:

— Эй, чего стоим?!

— Не знаю, впереди затор! — издали донесся ответ. — Какие-то дрова посреди дороги!

Мы с Виталием переглянулись. Я никогда не слышал о заторах в городе, и ученик магической школы, похоже, тоже.

В этот момент дверца со стороны Виталия резко распахнулась. Около кареты стоял уже знакомый по квартире старика высокий блондин с сухими и тонкими губами. На этот раз он был одет не в синий пиджак, а в темно-фиолетовый сюртук явно маленького размера. Лоб блондина украшала двойная черная метка. Незнакомец смотрел на меня тяжелым взглядом, сжимая в руке небольшой черный жезл.

— Отдай коробку, Глеб. Отдай по-хорошему.

Мне больше всего не понравился даже не взгляд, а жезл — обычная, казалось бы, палка с шаром на конце. Он тускло блестел в ярких солнечных лучах. Виталий тоже не сводил с жезла глаз. Лицо моего приятеля почерствело и потемнело. Было нетрудно понять, о чем думает маг-недоучка: пытается угадать, каким разделом магии владеет обладатель металлической палки, явно полноценный маг.

Я толкнул свою дверцу и кубарем вывалился из кареты. У меня был шанс скрыться, даже созрел план — бегу к ближайшему дому и прячусь где-нибудь в подворотне. Этот тип не так уж быстр. Все маги с жезлами хоть и смертельно опасны, но быстрыми бывают редко. Я приземлился около большого заднего колеса... и сразу же увидел короткое копьё с горящим наконечником в каком-то метре от меня. Оно слегка подрагивало в руках толстяка, одетого в красный жилет. Того самого толстяка, который приказал старичку-подводнику не закрывать дверь.

Копьё резко спутало мои планы. Обращению с этим оружием тоже учит один из разделов магии, формы которого очень быстры. Мне приходилось видеть показательный бой между копьеносцем и магом-ритуалистом. За боем следили несколько лекарей, которые должны были ослабить формы, не допустив смертоубийства. Бой закончился очень быстро: ритуалист проиграл, хотя мне сказали, что если бы копьеносец затянул чуть-чуть или не смог бы прервать рождение медленных форм, то фортуна повернулась бы лицом к его противнику.

Толстяк теперь ничего не говорил. Его пухлые губы кривились в усмешке. Я уже знал, что он сделает в следующую секунду. Даже знал, куда ударит: в левую половину груди, чтобы не повредить коробку, которая была справа.

В тот момент мне внезапно стало жаль, что я нахожусь в тени кареты. Это значит, что на меня не падает солнце. Пусть это не земное солнце, но все же захотелось в последний раз ощутить кожей тепло лучей.

Однако глаза толстяка внезапно расширились. Он отвел от меня взгляд и устремил в глубь кареты.

«Виталий! — догадался я. — Или что-то сделал или делает!»

К сожалению, я не мог выяснить, чем именно занимается мой земляк, и даже не мог помочь ему. А просто нырнул под карету и выскочил аккуратно между желтыми передними колесами и задними ногами лошадей. Меня не волновала мысль, что лошади могут ударить копытами: было не до этого. Хотелось опередить магов, обогнать их.

Сзади раздался хлопок. Тут же полыхнуло, кто-то крикнул. Я уже выскочил из-под кареты и разогнался, направляясь к ближайшему переулку, когда увидел Виталия. Он тоже оставил карету и тоже бежал. Только бежал, охваченный зеленоватым пламенем.

Кто-то может заподозрить меня в том, что я приbedнялся, когда сказал, что мало знаю о городе, но это пламя было мне хорошо известно. Ложный огонь. О нем говорили с ужасом, уважением и печалью, ведь он не жжет одежду и не дает тепла.

О ложном огне мне очень поэтично рассказал коллега. Думаю, что это — психологическое оружие наподобие слабого инфразвука, который пугает, но не убивает. Коллега сказал, будто цитируя книгу, что «человек всю жизнь копит внутри себя непроявленные чувства. Они просто тлеют, почти не мешают, но когда что-то случается, чувства разом вырываются наружу и становится очевидной их мощь. Ревущее пламя спрятанных чувств обжигает тело, не принося ему видимого вреда, но сводя человека с ума от боли. Многие знают, что такое «закипеть от гнева». Но этот гнев основан на недавних, скоротечных событиях. Если же собрать все чувства, накопленные в жизни, и разом выпустить их, то не закипишь, а вспыхнешь».

Версия была красивой, но столь же поэтично можно описать инфразвук. «Он вызывает первобытный страх предков человека перед пещерным медведем», «он пробуждает в тебе ужас новорожденного, впервые увидевшего свет», «он...», короче говоря, все эти эпитеты не имеют ни малейшего отношения к реальному воздействию. Подозреваю, что и ложный огонь можно вызывать с помо-

щью хитроумного приспособления и просто воздействовать на эмоции.

До переулка было рукой подать. Я уже не смотрел на Виталия, а бежал, прижимая коробку к животу и ощущая, что за спиной что-то происходит. Звук преследования не было слышно. Очевидно, блондин и толстяк слишком серьезное внимание уделили деятельности Виталия и порядком отстали.

По спине разливался холод, я вспотел и каждое мгновение ожидал чего-то. Чего? Я и сам не знал, но это должно быть очень плохим. Только бы добежать до серого угла. Угол выглядел таким основательным, надежным... Я знал, что многие формы действуют лишь по прямой линии, не терпя преград, но некоторые могут огибать препятствия. Мне хотелось обернуться, но как трудно сделать это на большой скорости!

Впереди показались две черные фигуры прохожих. Я в первую секунду не обратил на них внимания, но потом надежда озарила мои собранные в пружину мысли. Прохожие бежали сюда.

Я почти сумел достичь угла и уже видел каждую впадину шероховатых камней, скрепленных друг с другом. Но то ли отвлекся, предаваясь надеждам, то ли еще что, как вдруг споткнулся и упал, едва успев подставить руки. Я больно ударился животом о каменный стык тротуара и дороги. Коробка вновь выскочила из рук, но не смогла далеко отлететь, врезавшись в серую стену. Моя голова щекой лежала на плитке, теперь я мог видеть то, что происходит сзади. О, лучше бы я этого не видел!

Ко мне, оставляя за собой красноватый след, летел лилово-черный шар. Я не знал, к какому разделу магии и к какой форме относится этот шар, но почему-то был уверен: он не промахнется. Мои глаза закрылись. Не хочу смотреть на этот шар, с меня уже достаточно. Пусть он долетит или не долетит, на какое-то мгновение мне стало все равно. Зато именно в этот момент я отчетливо понял, почему у рядового курьера такая высокая зарплата.

Шар долетел. Он ударился о мою спину резко и реши-

тельно, обволакивая ее ледяными иголками. Я уже приготовился к самому худшему, к невероятной боли, попытался даже заранее усмирить ее, но... действительно мало что почувствовал. Меня охватило блеклое синее свечение и форма, вызвавшая шар, вероятно, угасла, не причинив особого вреда.

Теперь я как следует разглядел прохожих, моих спасителей. На их головах красовались черные повязки, которые так любят режиссеры фильмов о пиратах. Прохожие были одеты в строгие сюртуки с серебристыми пуговицами, чем-то напоминавшие старинные костюмы английских полицейских. Последнее сравнение было верно: обладатели повязок являлись местными жандармами.

Ненадолго оставлю без присмотра свое собственное распластанное на тротуаре тело, чтобы рассказать о городских жандармах. Это того стоит. Каждый маг в городе, а возможно, и за его пределами, обладает ограниченным резервуаром энергии. Его хватает на две-пять энергоемких форм, что зависит от силы и опыта мага. Потом опустошенный резервуар постепенно наполняется. По сути, резервуар есть у любого человека, только далеко не все могут его наполнить, а мага без резервуара и быть не может. Такого немага называют «пустым», и ко мне это тоже относится. Жандармы же могут с ходу выдать десяток форм — у них гигантский резервуар. Им таковой вручила ратуша. Мало кто из могущественных магов, обладающих отточенным мастерством, захочет связываться с ними. В жандармерии обычно служат середнячки, но огромный запас сил делает их сверхопасными.

Теперь снова вернемся к моему телу. Жандармы стояли рядом со мной, обратившись лицом к карете. Карету видел и я. Вот уж не знаю, что там произошло, но желтая деревянная крыша ввалилась внутрь, ошестинившись острыми поломанными досками. Две передних лошади рвались вперед, пытаясь встать на дыбы. Но им мешал существенный груз: задние лошади были мертвы и повисли на лямках и перекладинах. Рядом с каретой лежал незнакомый мне человек в темно-зеленом жилете, вероятно,

кучер. А на полпути между кучером и мной едва шевелился Виталий. Пламя на нем погасло, и сейчас он еле слышно постанывал, механически скребя рукой мостовую. Ни блондина, ни толстяка не было видно. Похоже, удрали.

Зашевелился и я.

— Вы в порядке? — склонился надо мной один из жандармов. Я увидел совсем еще молодое лицо с небольшими черными усиками.

— Да... кажется... спасибо... — Я попытался пошевелить руками и ногами, и это вполне удалось.

— Как ваше имя? — Этот жандарм явно допрашивал меня, а его напарник устремился к Виталию.

— Глеб. Я — курьер маркиза Ори. На нас напали.

— Вы были рядом с каретой?

— Внутри.

— Это карета графа Мара.

— Да, я знаю.

Допрос прекратился столь же внезапно, как начался. Теперь жандармы оказывали помощь Виталию, кучеру она уже была ни к чему.

Встав на ноги и сделав пару неуверенных шагов, я подобрал коробку. Будь она неладна, эта миска, но я ее доставлю по месту назначения! Из-за нее погибли двое, ранен Виталий, да и мне пришлось туго. Доставлю и тут же уволюсь с этой работы. Пошло оно все!

Держа картонку под мышкой, я побрел к Виталию. Он был совсем плох. Лежал на спине, смотрел в небо немигающим взглядом и что-то неразборчиво бормотал. На его одежде и коже не было ожогов, да и быть не могло. Он был обожжен иначе.

Я заметил, что в зрачках земляка отражаются окна трехэтажного желтого дома, стоящего на противоположной стороне улицы. Окна были узкими, продолговатыми и почему-то именно сейчас казались исключительно старомодными.

— Вы его друг? Родственник? — Жандарм снова обернулся ко мне.

— Земляк, — ответил я.

— Землянин? А где же... неважно.

Виталия одно за другим окутывали небольшие разноцветные облака. Они медленно возникали, быстро исчезали и появлялись снова. Белое, голубое, розоватое, снова белое... Я знал, что это: жандармы старались вовсю, перебирая формы, надеясь, что хоть что-то поможет.

Послышался грохот повозки, и вскоре из-за дальнего поворота выскочила черная карета, украшенная двумя флажками. Она неслась лихо, стремительно приближаясь, словно стараясь обогнать цокот копыт.

Жандарм бросил на нее быстрый взгляд и тут же обернулся ко мне:

— Ваши люди. Маркиза Ори.

Виталий вновь зашевелился. Мне показалось, что его взгляд стал чуточку осмысленней. Захотелось что-нибудь ему сказать. Но что? Я не знал.

— Выздоровливай. — Мое напутствие звучало по-дурачки. Я помолчал и почему-то добавил: — Теперь вспомнил твой Жданов, вспомнил. Он ведь Мариуполь, а Жданов — устаревшее название.

Виталий посмотрел на меня, в этом не было никаких сомнений, и неожиданно четко ответил:

— Ты путаешь. Мариуполь — старинное название, а Жданов — настоящее.

Я был рад, что мой приятель пришел в себя. Ложное пламя — не шутка, оно действует на всех: и на многомудрого старца, и на развязного подростка.

Карета подъехала совсем близко и резко остановилась. Из нее выскочили трое: двое в серых костюмах и один в белой рубашке и разноцветном жилете. Я знал последнего. Его звали кавалер Файет. Большая шишка в нашей иерархии!

Испугавшись, что сейчас кавалер будет уже совсем рядом и мне не удастся больше поговорить с Виталием, я наклонился к земляку и спросил, почти крича в ухо, будто полуглухому:

— Ты сказал, что здесь всего полтора года. В каком году ты прибыл?!

Кавалер Файет уже подскочил к нам, но Виталий мигнул и ответил, с трудом шевеля пересохшими губами:

— В восемьдесят восьмом.

Я разогнулся. Он прибыл в тысяча девятьсот восемьдесят восьмом, а сейчас две тысячи двенадцатый. Этот город никогда не уставал преподносить сюрпризы. С самого моего первого визита сюда. Когда я только знакомился с этим местом, то почувствовал, что и в ближайшее время мне его до конца не понять. Сейчас же казалось, что вообще никогда не пойму. Петербург девятнадцатого века, надо же... Прочь отсюда, прочь! Я уже не хочу ничего понимать. Сейчас отдам коробку кавалеру — и домой. Скорее, скорее домой!

ГЛАВА 3

Если сильно чего-то желать, желание может быстро исполниться. Уже к концу дня я был дома и сидел в зале, игнорируя говорящий телевизор. Передо мной стояла одна вещь, еще недавно занимающая все мои мысли. Что это была за вещь, станет ясно чуть позже, а сейчас вкратце объясню, как получилось, что я все-таки оказался дома, цел и невредим, да еще с большими служебными перспективами.

Кавалер Файет по прибытии сразу же взял бразды правления в свои руки. Виталия отправили обратно в школу, а меня доставили в один из домов маркиза Ори, где подвергли допросу, хоть и мягкому, но по всем правилам этого искусства. Однако я мало что мог сказать. Описал злоумышленников, сообщил, что они знали мое имя и вообще, наверное, были хорошо подготовлены. Миска перекочевала к кавалеру. Он очень удивился, увидев ее, а я это удивление поначалу истолковал неправильно. Кавалер крутил эту миску и так и эдак, чуть ли не пробуя на зуб. Потом вызвал троих старых магов. Каждый старате-

льно осмотрел миску, и все трое качали седыми головами совсем одинаково. Вскоре маги удалились, и в комнате, стены которой были обиты светлым резным деревом, остались я, кавалер и злополучная посудина.

— Глеб, вы останетесь с нами или собираетесь уходить? — спросил Файет.

У кавалера не было никаких особенно запоминающихся черт: черно-сероватые волосы, тщательный пробор, многочисленные морщины при любом изменении выражения лица — вот и все, что всплывает в памяти, когда я его не вижу.

Это был откровенный вопрос, и я тоже ответил откровенно, сказав, что ухожу, увольняюсь, и как можно быстрее. Кавалер попробовал меня уговаривать, но, поняв, что это бесполезно, вдруг предложил поработать в другом, «безопасном» отделе. Он так и сказал:

— Вы доставили посылку, рискуя жизнью, хотя могли все бросить. Руководство ценит таких людей. Я прикажу удвоить вашу зарплату, Глеб, и переведу вас в отдел рекрутирования. Работа по-прежнему в Москве, но в совсем небольшой конторе. У вас будет интересный круг обязанностей.

Он говорил еще долго, и я в итоге согласился. Уж не знаю, что на меня повлияло больше: хорошие служебные перспективы или нормальное отношение начальства. И то и другое редко встречается. Но затем кавалер меня поразил.

— Заберите с собой эту миску, Глеб, и отдайте прежним владельцам, — неожиданно сказал он. — Она нам не нужна.

Если бы Файет заявил, что я стану могущественным магом, мое изумление было бы меньше. Как это «не нужна»? Почему не нужна? Из-за нее погибли двое, а она не нужна?!

Следует объяснить, для чего наша фирма собирала разные вещи с Земли и в чем суть работы курьеров. Я сам это понял до конца буквально сегодня. Дело в том, что некоторые земные предметы обладали огромной силой.

Они были бесполезны в моем мире и невероятно востребованы в городе. Титулованные особы Лима, не имея возможности приходить к нам в гости, просто-напросто создавали фирмы, целиком состоящие из земель и занимающиеся, помимо всего прочего, поиском артефактов. Я до сих пор толком не знаю, как эти артефакты отбираются и создаются, хотя узнать очень хочется. Земляне, единственные люди, обладающие способностью проникать к Цензору, перевозили их. Файет сказал мне, что между конкурирующими фирмами изредка случались стычки, в которых гибли курьеры. Лучше бы я это узнал заранее!

Что касается миски, то кавалер сам не мог понять, для чего она понадобилась тем двум магам: толстяку и блондину. Проверка показала, что в ней нет ничего интересного, она не обладает никакой силой, просто старый предмет! Файет был озадачен. В конце концов он не нашел другого объяснения, кроме того, что враждебные маги что-то перепутали, приняв миску за нечто иное. Кавалер пообещал выяснить, с чем именно ее спутали, и непременно узнать имена врагов, чтобы отомстить. Но теперь с миской по инструкции следовало поступить так, как и со всеми ненужными вещами: отнести прежним владельцам.

Тогда я еще не догадывался, что судьба, стоящая над двумя мирами, бросила свой жребий, прочно соединив меня с этой миской. Вообще очень любопытно, как иногда жизнь связывает человека с неодушевленными предметами: обручальное кольцо тому пример.

Коробка снова вернулась в мои руки. Я открыл дверь, ведущую к Цензору, прямо в доме маркиза Ори.

Человек, одетый в белую тогу, выглядел важным, как и всегда. Я внутренне напрягся, пытаюсь собраться с мыслями и ответить на вопрос Места. Мне совсем не хотелось оказаться в случайном районе Москвы, а потом снова блуждать.

Цензор посмотрел на мою коробку, пошевелил густой коричневой бровью и произнес:

— Зачем вы ее несете назад, Глеб?

— Потому что она не нужна, — ответил я совершенно искренне. — Беспольный артефакт! Даже не артефакт вовсе, а кусок обработанной глины. Ее место на Земле.

— Неправильно, — печально улыбнулся Цензор.

Дома я оказался спустя два часа, с трудом добравшись до станции метро с какой-то окраины. Отдохнув и слегка придя в себя, я вернулся к дому старичка, чтобы забрать мотоцикл. Там стояла только одна полицейская машина — наверное, остальные уже разъехались. Я бы не стал помогать следствию, даже если бы мог все рассказать. Меня переполняла вера в возможности кавалера. Такой тип выйдет на след убийц гораздо раньше полиции, если выйти на него вообще возможно.

На следующий день я проснулся рано. Не могу сказать, что меня посетила особенная бодрость, но ожидание нового, связанное с переменной работы, все-таки приносило радость, и обещанная высокая зарплата была как нельзя кстати. Мне хотелось купить наконец собственную квартиру, хотя бы маленькую.

Я положил коробку в рюкзак, собираясь потом заехать на прежнюю работу и отдать миску бывшему шефу. Хочу обратить внимание, что обычно складываю вещи в черную кожаную сумку, которую вешаю на мотоцикл. Какой порыв побудил меня положить коробку в рюкзак — не знаю и, вероятно, никогда не узнаю. Но это очень важная деталь.

Моя новая «контора» располагалась на углу Скатертного и Малого Ржевского переулков в красноватом здании. Самый центр Москвы! Я оставил мотоцикл во дворе и поднялся на второй этаж. Никто не спрашивал, кто я и зачем пожаловал, просто дверь в подъезд открылась, когда я нажал кнопку звонка. Дверь на втором этаже была нараспашку, но все-таки я сумел прочитать надпись на золотистой табличке: «Рекрутинговое агентство Морозова».

Что ж, Морозова так Морозова. Пройдя несколько шагов, я оказался в большом офисе, где стояло шесть сто-